

Д. С. Бахарев, Е. М. Главацкая

СОЦИАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ ПОЗДНЕИМПЕРСКОГО ЕКАТЕРИНБУРГА: ПРОГРАММА ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ*

doi: 10.30759/1728-9718-2021-3(72)-169-179

УДК 94(470.5)“18/19”

ББК 63.3(235.55)53

Статья посвящена разработке теоретической базы для исследований социально-демографической эволюции элит локальных/городских исторических сообществ. Авторы проанализировали методический и терминологический аппарат современной элитологии и сформулировали концепт «социальная элита» на основе синтеза цивилизационного аспекта теории элит и теории модернизации. Социальная элита понимается как меньшинство, референтное для остального общества в сфере социально-демографических практик. Плодотворное изучение такого объекта возможно лишь с привлечением массовых номинативных источников, фиксирующих демографические события в жизни индивидов. Важнейшим номинативным источником, который содержит демографическую, а косвенно и социальную информацию о демографически репрезентативных сообществах имперской России, являются метрические книги. Потенциал этого вида источника наиболее эффективно реализуется посредством оцифровки сведений в базы данных и последующей количественной аналитики. Исследование проведено на основе «Регистра населения Урала» — пополняемого электронного ресурса, содержащего сведения из метрических книг православных приходов Екатеринбурга за 1880–1919 гг., всего около 57 тысяч записей. Первичная адаптация предложенной модели к историческому контексту позднеимперского Екатеринбурга позволила выявить более модернизированное по сравнению с остальным Екатеринбургом сообщество горожан — приход православного Богоявленского кафедрального собора. Сосредоточение исследовательского фокуса на социально-демографических процессах в среде прихожан этой общины на индивидуальном уровне в дальнейшем позволит полнее представить механизмы эволюции социальной элиты в русском пореформенном городе. Выработанную схему можно применить для изучения проблем социальной истории России конца XIX — начала XX в., в первую очередь для выявления и исследования акторов социально-демографической модернизации общества.

Ключевые слова: история России, элитология, социальные элиты, позднеимперский город, история Урала, социально-демографическая модернизация, православный приход, метрические книги, база данных

Введение

Образование и функционирование любого общества сопряжено с его структуризацией,

Бахарев Дмитрий Сергеевич — м.н.с. лаборатории «Международный центр демографических исследований», Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург)
E-mail: dmitry.bakharev@urfu.ru

Главацкая Елена Михайловна — д.и.н., профессор кафедры археологии и этнологии, Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург)
E-mail: elena.glavatskaya@urfu.ru

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-49-660013 р_а «Городские элиты Екатеринбурга конца XVIII — начала XX века: 250 лет социальной и демографической эволюции» (рук. Е. М. Главацкая) и Правительства Свердловской области

превращением в саморегулируемую равновесную систему с внутренней специализацией и стратификацией.¹ Последнее неизбежно ведет к выделению элиты — референтного для остального общества меньшинства, играющего главную роль в социальном процессе. Как прогресс, так и деградация государства почти всегда связаны с синхронными социальными процессами в его элитах. Масштабные политические потрясения, постигшие Россию в XX в., спровоцировали крупнейший в отечественной истории кризис элиты, который был выражен главным образом в утрате исторической преемственности и, как следствие, социального опыта — накопленных веками знаний, сконцентрированных в социальных

¹ См.: Ашин Г. К. Элитология: история, теория, современность. М., 2010. С. 12–14.

механизмах и практиках.² Наиболее болезненно этот кризис сказался на периферийных регионах и провинциальных городах, поскольку на общенациональном и столичном уровнях восстановление утраченных элитарных слоев шло за счет абсорбции «лучших людей» с периферии. В итоге провинция была вынуждена ускоренными темпами восстанавливать свой человеческий потенциал. В этом отношении исследование сюжетов, связанных с историей региональных элит, приобретает особую актуальность как в теоретическом, так и в практическом смысле. Между тем при высокой популярности исследований региональных элит современной России, осуществляемых в рамках политических и социальных наук,³ работы по истории отечественных элит не столь многочисленны и используют «элитную» терминологию зачастую лишь на понятийном уровне, без должной проработки. Главной целью статьи является создание теоретической базы для социально-демографического исследования исторического локального элитного сообщества. К числу конкретных задач относятся:

— адаптация элементов социологической теории элит к современной парадигме исторической науки;

— интеграция сформулированной проблематики и методического аппарата в исторический контекст дореволюционного Екатеринбурга;

— применение и рамочная адаптация выдвинутой синтетической концепции к конкретному сообществу — православному приходу Богоявленского кафедрального собора Екатеринбурга конца XIX — начала XX в.

Методологическую базу исследования составили теория элит и теория модернизации. В качестве инструментов были использованы классический историографический анализ и метод научного синтеза, количественные инструменты социальной истории и исторической демографии. Источником теоретической

части работы выступил корпус концептуальных социально-гуманитарных исследований, посвященных российской элите, а конкретно-исторической части — электронный ресурс «Регистр населения Урала» (далее — БД), созданный на основе метрических книг православных приходов Екатеринбурга поздней имперского времени, включающий около 57 тысяч записей.

Тезаурус и инструментарий

Обыкновенно термином «элита» обозначают высшую страту политических акторов. Например, ведущие отечественные специалисты в данной области определяют термин «элита» следующим образом: «...правлящая группа общества, являющаяся верхней стратой политического класса... стоит на вершине государственной пирамиды, контролируя основные, стратегические ресурсы власти, принимая решения общегосударственного уровня»;⁴ «...внутренне сплоченная социальная общность, являющаяся субъектом принятия важнейших стратегических решений и обладающая необходимым для этого ресурсным потенциалом»,⁵ и пр. Исчерпывающая историография использования термина приведена в монографии Г. К. Ашина.⁶ Однако такая интерпретация является лишь следствием повышенного внимания к политической сфере жизни общества. Классик социологии элит В. Парето предполагал вездесущность социального неравенства и, как следствие, наличие собственной элиты в любой сфере деятельности. Уже эту совокупную элиту он подразделял на «правлящую» и «неправлящую» в зависимости от ее роли в политическом управлении.⁷ Руководствуясь аналогичным посылом, Г. К. Ашин предложил более свободное и универсальное определение уже не политической, а, шире, социальной элиты: «...часть общества, состоящая из наиболее авторитетных, влиятельных людей, которая занимает ведущие позиции в выработке норм и ценностей, определяющих развитие и функционирование социальной системы».⁸ Современные отечественные исследователи широко используют

² Эта тема имеет обширную историографию, см., напр.: Чешков М. А. Дореволюционная Россия и Советский Союз: анализ преемственности и разрыва // *Общественные науки и современность*. 1997. № 1. С. 92–104; Глебова И. И. Революции 1917 года: отрицание прошлого и разрыв социокультурной преемственности // *Россия и современный мир*. 2008. № 1 (58). С. 97–115; и др.

³ См., напр.: Соснин Д. П. Городские элиты: теоретические и прикладные интерпретации понятий // *Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Сер.: Социология. Политология*. 2011. Т. 11, № 1. С. 105–108; Покатов Д. В. Отечественная социология политической элиты: современные тренды регионального развития // *Вестн. Томск. гос. ун-та*. 2020. № 453. С. 116–123.

⁴ Крыштановская О. В. *Анатомия российской элиты*. М., 2005. С. 73.

⁵ Гаман-Голутвина О. В. *Политические элиты России: Вехи исторической эволюции*. М., 2006. С. 10.

⁶ См.: Ашин Г. К. *Указ. соч.* С. 229–255.

⁷ См.: Парето В. *Компендиум по общей социологии*. М., 2008. С. 308, 309.

⁸ Ашин Г. К. *Указ. соч.* С. 15.

этот подход, выделяя экономическую, культурную, интеллектуальную и другие элиты.⁹

Далее, для установления границ изучаемой области необходимо определить критерии выборки, а именно на каком основании причислять индивида к элите. Различают два главных подхода: позиционный, или альтиметрический, и ценностный, или меритократический.¹⁰ Первый, тяготеющий к социологии и политологии, в качестве элиты рассматривает индивидов, занимающих формальные ведущие позиции в обществе; второй, присущий больше политической философии и культурологии, — тех, кто, по мнению исследователя, обладает наиболее выдающимися личностными качествами. Оба подхода имеют свои достоинства и недостатки, самые очевидные из которых — позиционный формализм и ценностный субъективизм.

Наконец, конкретное исследование требует четкого определения задач, источников и методов. Г. К. Ашин, отстаивая существование политической элитологии как самостоятельной науки, считает, что ее предметным полем является исследование законов трансформации и смены элит, включающее изучение состава элиты, законов функционирования, обстоятельств прихода к власти, легитимизации в глазах последователей, роли в социальном процессе, причин деградации и ухода с исторической арены.¹¹ Данная интерпретация, даже принимая во внимание ее политологический «крен», содержит, на наш взгляд, достаточно полный список потенциальных задач проекта, нацеленного на изучение элиты. Основные методы и источники для изучения современной ситуации были детально описаны О. В. Крыштановской. Они включают в первую очередь полевые исследования, однако содержат и такие, которые применимы для исторического исследования, в том числе изучение биографий, контент-анализ прессы (в нашем случае современной исследуемому периоду), анализ документов и статистики.¹²

Таким образом, изучение элиты — это широкая многомерная область, в которой объекты, источники и методы довольно разнообразны и гибки. Теория элит с равным успехом применяется в большом числе социально-гуманитарных наук. Несмотря на существующие в среде представителей социальных наук мнения о состоятельности/несостоятельности части подходов, терминологические и методические разногласия, на наш взгляд, одним из главных достоинств этой теории является ее плюрализм, позволяющий ей при определенной адаптации успешно встраиваться в исторический контекст.

Историческая адаптация

Необходимость импорта и интеграции инновационных теоретических инструментов обычно обусловлена задачами проекта. В представленном случае наш исследовательский интерес связан с попыткой максимально полно раскрыть особенности социально-демографического развития провинциальных городских элит России конца XIX — начала XX в. Ученые регулярно применяют концепт элиты к контексту этого времени, как на общенациональном,¹³ так и на региональном уровнях.¹⁴ В первом случае речь чаще всего идет о политологическом исследовании управленческой элиты современной России с обращением к истории; во втором — о собственно исторических исследованиях, рассматривающих

⁹ См.: Там же. С. 462–497; Горчицкая Е. А. Интеллектуальная элита с позиции философии: структура и функции // Вестн. Омск. ун-та. 2011. № 4 (62). С. 207–210.

¹⁰ См.: Гаман-Голутвина О. В. Указ. соч. С. 8, 9; Подвойский Д. Г. Элита // Большая российская энциклопедия. Электронная версия. URL: <https://bigenc.ru/philosophy/text/4930813> (дата обращения: 27.08.2020). Также отмечают репутационный подход, но его применение к исторической действительности затруднительно.

¹¹ См.: Ашин Г. К. Указ. соч. С. 16.

¹² См.: Крыштановская О. В. Указ. соч. С. 13.

¹³ См., напр.: Гаман-Голутвина О. В. Указ. соч.; Краснов Ю. В. Политико-административная элита в России: алгоритм воспроизводства и рекрутирования политического правящего класса в исторической ретроспективе: дис. ... канд. полит. наук. Волгоград, 2003; Самойлова Е. Н. Политическая элита России XX века: некоторые особенности формирования и деятельности: дис. ... канд. полит. наук. М., 2004; Границы и маркеры социальной стратификации России XVII–XX вв.: векторы исследования. СПб., 2018. С. 127–264.

¹⁴ См., напр.: Кусова И. Г. Торговая элита во главе городского самоуправления: городские головы Рязани конца XVIII — начала XX в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России XVI–XIX вв.: сб. материалов IV междунар. науч. конф. Рязань, 2018. С. 611–619; Румянцев Н. М. Деловая элита Самарской губернии в конце XIX — начале XX вв. // Карельский научный журнал. 2016. Т. 5, № 2 (15). С. 88–92; Брюханова Е. А., Владимиров В. Н., Стрекалова Н. В. Сословие, профессия, социальная страта: к проблеме исследования социальной структуры провинциального российского губернского города в конце XIX — начале XX в. (на материалах Тамбова и Тобольска) // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2016. № 411. С. 38–46. Дополнительная историография истории российских региональных элит приведена в работе: Границы и маркеры социальной стратификации России XVII–XX вв... С. 53–126; Евдокимов А. В. Историческая элитология: проблемы историографии и теории // Социально-гуманитарное познание: методологические и содержательные параллели. М., 2019. С. 184–200.

имперский социум сквозь призму теории элит. Общей проблемой политологических работ является то, что в них, в силу специфики, редко бывает представлен социально-демографический аспект. Что касается работ исторических, то в них недостаточно артикулирована элитологическая методология, а анализ социальной структуры и процессов внутри элитного сообщества если и производится, то, как правило, описательно, статично и на конкретных примерах, что не дает возможности оценить степень типичности описываемого феномена. Конечно, в исторической науке предпринимались попытки целенаправленной методологической адаптации инструментов элитологии в историческое исследование,¹⁵ однако большая часть данных историков фактически не имела последователей, которые бы применили на практике предложенные методики. Сложившаяся традиция предпочтения описательных приемов и недооценка аналитических, а также фокусирование внимания именно на политико-административной элите, на наш взгляд, создают серьезную лакуну в социальной истории России пореформенного периода и ограничивают возможность более широких компаративных исследований.

Глобальные и глубинные социальные процессы, безусловно, связаны со стратегическими решениями политического руководства страны, однако эта связь редко имеет жесткий причинно-следственный характер. Зачастую правящий класс, имея дело с уже начавшейся реформацией общества или предчувствуя ее скорый старт, лишь делает выбор поддержать или затормозить этот процесс. Очевидно, что главный интерес в подобном исследовании представляют не только и не столько действия отдельных личностей, сколько массовые социальные практики. Реконструкция мировоззрения крошечной политико-административной элиты в таком случае не будет обладать исчерпывающим объяснительным потенциалом. Необходимость исследования групп населения, чья повседневная жизнедеятельность ведет (или может привести) к крупным социальным преобразованиям, сближает исследователя с «цивилизационным» подходом, представители которого также внесли весомый вклад

в теорию элит.¹⁶ Концепция А. Тойнби «вызов–ответ» довольно четко описывает изучаемый контекст: общество сталкивается с вызовом, творческое меньшинство формулирует на него ответ, остальная масса с помощью механизма мимесиса — социального подражания — адаптирует сформулированный ответ под себя, и таким образом общество эволюционирует.¹⁷

Примеряя этот концепт на историю Российской империи, особенно ее финальной части, можно с большой долей вероятности предположить, что роль вызова в данном случае играла модернизация. И если в ее экономических, политических, общественных и иных аспектах значение государства, а следовательно, и политико-административной элиты, действительно было велико и часто определяюще, то относительно социальной модернизации власть пребывала во многом лишь в роли стороннего наблюдателя. Например, такие явления, как демографический переход, ускорение урбанизации, секуляризация, фактический распад сословной системы, эмансипация женщин и пр., вызывали у властей в лучшем случае непонимание, а чаще откровенное отторжение. Однако существование этих явлений, а значит, и их драйверов несомненно. Именно такие драйверы — группы населения, выступавшие акторами социальной модернизации имперской России, то есть «творческим меньшинством», — являются социальной элитой, изучаемой в рамках предлагаемого исследования.

Попытки выделить подобные группы уже предпринимались специалистами по истории российской модернизации, безотносительно, правда, концепции элиты. К самым успешным можно отнести работы Б. Н. Миронова, который, анализируя демографический аспект социальной модернизации позднеимперской России, в качестве драйверов развития определил протестантов, католиков и иудеев, а также мужчин с высшим и средним образованием из числа православных, мусульман и представителей других нехристианских исповеданий, которые суммарно составляли 14 % населения империи.¹⁸ Однако в такой обобщенности выводов заложены и очевидные проблемы как в географическом смысле — конкретная региональная картина могла разительно отличаться,

¹⁵ См., напр.: Евдокимов А. В. Указ. соч. С. 191–200; Карабущенко П. Л. Введение в элитологию истории // Вестн. АГТУ. 2006. № 5 (34). С. 34–44; Волков С. В. Элитные группы традиционных обществ. М., 2017. С. 4–24; Границы и маркеры социальной стратификации России XVII–XX вв... С. 5–18.

¹⁶ См.: Ашин Г. К. Указ. соч. С. 154–157.

¹⁷ См.: Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 2010. С. 263–270.

¹⁸ См.: Миронов Б. Н. Российская революция 1917 года сквозь призму демографической модернизации // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4. № 3. С. 6–58.

так и категориально — сомнительно, что сложный процесс демографического перехода четко проходил по выделенным водоразделам. Другая интересная гипотеза представлена в работах уральской школы модернизации: ее авторы при изучении региональных аспектов российской имперской модернизации доказывают существование ее частных социальных акторов, относя к таковым, в первую очередь, предпринимателей, интеллигенцию и иностранных специалистов.¹⁹ Однако теоретически постулируя комплексный характер модернизационного влияния акторов на общество, в конкретно-историческом материале представители школы концентрируются преимущественно на экономическом, технологическом и общественном аспектах, меньше внимания уделяя анализу социально-демографических процессов.

Таким образом, проблема, на решение которой направлено наше исследование, — это отсутствие ясного понимания того, как протекали социально-демографические процессы в русском позднеимперском городе, в том числе демографическая модернизация, секуляризация и эмансипация. Исходя из теории модернизации и цивилизационного аспекта теории элит, можно предположить, что указанные процессы приводились в движение в основном конкретными группами населения, в нашей интерпретации — социальными элитами. Специфика социально-демографических процессов заключается в том, что источником их запуска чаще всего являются не персональные решения политических акторов, а обусловленный объективными причинами глобальный постепенный дрейф социальной реальности, выраженный в повседневных практиках населения. Для изучения этого феномена необходим специфический источник, масштабно фиксирующий индивидуальное поведение. В случае имперской России главным кандидатом на эту роль являются метрические книги.

Метрики, которые велись во всех церковных приходах и фиксировали индивидуальные данные о рождениях, браках и смертях, с включением информации о происхождении, социальном статусе, роде занятий и пр., можно назвать самым удобным источником для изучения повседневных практик населения отдельного прихода. Дополнительное преи-

мущество именно метрических книг состоит в том, что это универсальный для всей Евразии тип источника, что позволяет включить проводимые на их основе исследования в широкий международный контекст.²⁰ При этом опора на метрики не исключает привлечения иных источников — как описывающих типичные массовые явления (клировые ведомости, исповедные росписи, посемейные списки, агрегированная статистика и т. д.), так и раскрывающие их проявления на индивидуальном уровне (периодическая печать, эго-документы и т. д.).

Таким образом, изучение социальных элит позднеимперских городов предполагает следующие необходимые составляющие исследования:

- общеисторический анализ контекста;
- идентификацию элитных групп;
- выявление репрезентативного пула исторических номинативных источников;
- создание репрезентативной базы индивидуальных данных;
- вариативный статистический анализ.

Этот базовый алгоритм стал методологической основой данного пилотного исследования, посвященного Екатеринбург.

Позднеимперский Екатеринбург: поиск и идентификация социальной элиты

Элитологическое исследование Екатеринбурга имеет большой познавательный смысл даже безотносительно предложенной теоретической повестки, так как социальные процессы в городе и, шире, регионе заметно отличались от общероссийских. Продолжавшаяся колонизация и одновременное передовое промышленное развитие Урала приводили к сложному сочетанию архаичных и современных общественных институтов. Урал, как и Сибирь, в массе своей не знал потомственной имперской аристократии — самого труднопроницаемого сословия. Это снижало значение предписанного социального статуса, облегчало социальную мобильность и рекрутинг в состав элиты. Екатеринбург, основанный в петровское время и прошедший длинный путь от завода-крепости до крупного регионального центра, уже в XIX в. обрел неформальный статус «столицы

¹⁹ См.: Акторы российской имперской модернизации (XVIII — начало XX в.): региональное измерение. Екатеринбург, 2016. С. 22–32, 86–148.

²⁰ См.: Главацкая Е. М. Рождение, брак и смерть в старом Екатеринбурге // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археологии: к 90-летию Н. Н. Покровского. Новосибирск, 2020. (Археология и источниковедение Сибири. Вып. 39). С. 395–404.

Урала» и в полной мере обладал указанными чертами.²¹

Социально-историческое изучение Екатеринбурга имеет богатую историографию. Специалисты неоднократно обращались к исследованию структуры, свойств и развития отдельных городских слоев; к числу последних, следуя работам представителей уральской школы модернизации, в первую очередь следует отнести политико-административную элиту,²² предпринимателей,²³ интеллигенцию;²⁴ также правомерно будет добавить к этим категориям западно-христианские и иудейское меньшинства.²⁵ Помимо жанровой историографии в екатеринбургской исторической науке сформирована и богатая методическая традиция: местная историко-демографическая школа содержит большое количество примеров успешного использования данных массовых номинативных источников, в первую очередь метрических книг.²⁶

²¹ См.: Поршнева О. С., Казакова-Апкаримова Е. Ю. Столица Урала: эволюция административного статуса Екатеринбурга и идентичности горожан в XVIII — начале XX в. // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2015. № 2 (139). С. 178–191.

²² См.: Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург, 2007. С. 392–437, 502–575; Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII — начале XX века / Апкаримова Е. Ю. [и др.]. М., 2003. С. 169–214, 243–271; Главы городского самоуправления Екатеринбурга: Исторические очерки. Екатеринбург, 2003. С. 34–167.

²³ См.: Неклюдов Е. Г. Предприниматели Урала XVII — начала XX века: справ. Екатеринбург, 2013; Микитюк В. П. Винокуры Пермской губернии: предпринимательство и общественная деятельность (вторая половина XIX — начало XX в.). Екатеринбург, 2016.

²⁴ См.: Дашкевич Л. А., Корсунова С. Я. Техническая интеллигенция горнозаводского Урала. XIX век. Екатеринбург, 1997; Ермакова О. В. Западноевропейские специалисты в составе уральской технической элиты: социокультурная адаптация (первая половина XIX в.) // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2013. № 3 (117). С. 107–118.

²⁵ См.: Главацкая Е. М., Бахарев Д. С., Бобицкий А. В. Этнорелигиозные меньшинства Екатеринбурга в конце XIX века // Вестн. Перм. ун-та. История. 2019. Вып. 2 (45). С. 33–43.

²⁶ См., напр.: Палкин А. С., Боровик Ю. В. Брачные стратегии в единоверческой общине Екатеринбурга в начале XX в. // Quaestio Rossica. 2019. Т. 7, № 4. С. 1311–1323; Бобицкий А. В. Брачность мусульман Екатеринбурга в начале XX века по материалам метрических книг // Документ. Архив. История. Современность: материалы VII Всерос. науч.-практ. конф. с межд. участием. Екатеринбург, 2018. С. 285–288; Заболотных Е. А. Принятие православия иудеями в начале XX в.: микроисторический анализ (по материалам метрических книг Екатеринбурга) // Многомерность общества: человек в социальном взаимодействии: 2й молодежный конвент: материалы межд. студ. конф. Екатеринбург, 2018. С. 102–104; Chapter 10. From War to Wedding: Marriage Strategies of WWI POWs in the Urals, Russia / Glavatskaya E. [et al.] // The Impact of World War I on Marriages, Divorces, and Gender Relations in Europe. New York; London, 2019. P. 252–277.

Учитывая, что на протяжении всей истории города доминирующей конфессией являлось официальное православие, доля представителей которого в населении никогда не опускалась ниже 90 %, представляется резонным уделить главное внимание именно православным сообществам, чьи метрические книги являются самыми репрезентативными. По мере развития Екатеринбурга на его территории располагалось от одного до пяти крупных православных приходов, ведших собственные метрические книги, которые фиксировали события демографического цикла не только полноценно воцерковленных православных, но и всех остальных горожан, в том числе религиозно индифферентных. В финальный для империи и самый интенсивный в смысле развития период — пореформенный — городское православное благочиние включало Богоявленский, Екатерининский, Вознесенский, Свято-Духовский и Александро-Невский приходы. После изучения общеисторического контекста становится очевидно: несмотря на то, что все православные общины города включали определенное количество людей, подходящих под определение «элита», самым насыщенным в этом отношении был приход Богоявленского кафедрального собора.²⁷

Так, к числу его прихожан принадлежали, например, выходцы из Шадринска, предпринимательский клан Жиряковых. Сделавшие состояние в салотопенной отрасли, к началу XX в. они занимали серьезные позиции в мукомольном и льнопрядильном сегменте уральского рынка;²⁸ в Богоявленском кафедральном соборе были отпеты три члена семьи Жиряковых, в том числе Савва Федорович и Василий Саввич (главы клана в разное время), и крещено трое их детей.²⁹ К этому же приходу принадлежал граф Иван Андреевич Толстой, представитель знаменитого аристократического рода, бывший председателем местной дворянской опеки.³⁰ По всей видимости, граф так и не завел семьи, поэтому, помимо его собственной

²⁷ См.: Пономарев А. П. Справочная книжка для прихожан Богоявленского кафедрального собора г. Екатеринбурга. Екатеринбург, 1911; Ворошилин С. И. Храмы Екатеринбурга. К 110-летию Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 1995. С. 25–28; Манькова И. Л. Богоявленский собор // Екатеринбург: энцикл. Екатеринбург, 2002. С. 59, 60.

²⁸ См.: Микитюк В. П. Уральские предприниматели Жиряковы // Уральская старина: литературно-краеведческие записки. Екатеринбург, 1996. С. 116–130.

²⁹ См.: База данных «Регистр населения Урала».

³⁰ См.: Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1887. Т. 2. С. 516.

Таблица 1

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ ЖИТЕЛЕЙ ЕКАТЕРИНБУРГА
В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Приходы	Период	Записи о смертях	Средний возраст умерших	Записи о браках	Средний возраст вступления в первый брак у мужчин
Богоявленский	1880–1919	4 283	24	397	26
Екатерининский	1880–1885; 1899–1911; 1917–1919	5 544	20,8	999	25,3
Вознесенский	1881–1919	8 266	20,7	1 277	25,4
Свято-Духовский*	1880–1912	6 347	20,7	849	24,9
Александро-Невский	1897–1919	3 496	18,1	—	—

Источник: БД «Регистр населения Урала»: записи из метрических книг. * Из совокупности записей Свято-Духовской церкви исключены принадлежащие постояльцам Александровской богадельни — учреждения для пожилых людей, которое аккумулировало их со всего Екатеринбурга и окрестностей и располагалось на территории прихода.

смерти в 1902 г., метрики кафедрального собора зафиксировали лишь венчание его воспитанницы, дочери ссыльного крестьянина Параскевы Назаровны Белянской.³¹ Прихожанином Богоявленского собора был также известный врач и организатор медицины Николай Александрович Русских. Потомственный дворянин родом из Уфимской губернии, на Урале Николай Александрович принял должность земского врача Пригородного участка Екатеринбургского уезда, инициировал создание Уральского медицинского общества и Союза для борьбы с детской смертностью, был членом УОЛЕ.³² Выдающийся землец крестил семерых своих детей в Богоявленском соборе.³³

Однако для выявления социальной элиты в нашей интерпретации репутационный статус хоть и играет определенную роль, но не может быть определяющим; главное значение имеют количественные социально-демографические показатели, отражающие повседневные практики горожан (см. табл. 1).

Средний возраст умерших — демографический индикатор, который отражает не только и не столько уровень смертности, сколько его сочетание с возрастной структурой населения, на которую определяющее влияние оказывают рождаемость и миграции.³⁴ Таким образом, чем бы конкретно ни было вызвано лидерство Богоявленской общины по этому показателю — более низкой смертностью или рождаемостью, более возрастным населением или

его стабильностью, в любом случае это свидетельствует о зашедшем дальше демографическом либо экономическом прогрессе. В пользу этого также говорит брачный возраст женихов в приходе — самый высокий в городе и максимально близкий к европейской модели брачности.³⁵ Такая картина делает многообещающим дальнейший анализ с использованием полного спектра классических демографических индексов.

Другим интересным знаком происходящих социальных изменений может служить формулировка социального статуса индивида в метрической книге. Сословная система Российской империи гипотетически охватывала все слои населения, а сословный статус был общепринятой характеристикой индивида в официальном документе. Однако Великие реформы наряду с другими изменениями запустили процесс эрозии сословной системы, когда иные статусы, в первую очередь профессиональные, стали замещать сословные. Именно такие случаи фиксируются и в метриках Екатеринбурга: их абсолютное число невелико, но стабильно, а сопоставление данных разных приходов демонстрирует несомненную дифференциацию в частоте употребления (см. табл. 2).

Явное лидерство Богоявленского прихода по этому показателю, на наш взгляд, дает основания предположить, что процесс социальной

³¹ См.: База данных «Регистр населения Урала».

³² См.: Зорина Л. И. Русских Николай Александрович // Екатеринбург: энцикл. С. 483.

³³ См.: База данных «Регистр населения Урала».

³⁴ См.: Боярский А. Я. Средний возраст умерших // Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 439.

³⁵ Средний возраст невест в приходе (21) был обыкновенным для Екатеринбурга (21,2), но этот показатель в целом имеет меньший разброс по деноминациям и православным приходом. См. подробнее: Брачность в Екатеринбурге в начале XX в.: количественный анализ / Главацкая Е. М. [и др.] // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2019. Т. 21, № 3 (190). С. 104–121.

Таблица 2

ЧАСТОТА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СТАТУСОВ ВЗРОСЛЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ
ПРИХОЖАН ЕКАТЕРИНБУРГА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

Приходы	Период	Всего записей, абс.	Записи с профессиональными статусами, абс.	Доля профессиональных статусов, %
Богоявленский	1880–1919	2 014	100	5
Вознесенский	1881–1919	3 295	78	2,4
Екатерининский	1880–1885; 1899–1911	2 169	38	1,8
Свято-Духовский	1880–1909	3 066	51	1,7
Александро-Невский	1897–1919	1 321	9	0,7
Всего		11 865	276	2,3

Источник: БД «Регистр населения Урала»: записи из метрических книг (раздел о смертях).

модернизации в среде его жителей зашел дальше, чем в других. Тот факт, что прихожане Богоявленского собора Екатеринбургa по ряду объективных социально-демографических характеристик — продолжительности жизни; среднему возрасту вступления в первый брак; повышению роли профессиональной (в противовес сословной) идентичности — удерживали первенство, позволяет выделить именно эту общину как максимально насыщенную семействами и индивидами-драйверами социальной модернизации, т. е. социальными элитами.

Модернизация Российской империи представляла собой многоаспектный комплексный процесс, изученный современной отечественной наукой хоть и подробно, но неравномерно. Одним из отстающих направлений, особенно на региональном уровне, является историография социально-демографической модернизации, включавшей демографический переход, секуляризацию, эмансипацию и другие глобальные процессы. Однако описанные изменения коснулись далеко не всех подданных империи, а лишь некоторых групп населения, более продвинутых в силу образования, происхождения, рода деятельности, этнорелигиозной принадлежности и иных факторов. Руководствуясь теорией элит, а именно ее цивилизационным и меритократическим аспектами, мы обозначили эту страту как «социальную элиту», которая собственным примером служила развитию и распространению инно-

ваций образа жизни в российском обществе конца XIX — начала XX в.

Центром нашего конкретно-исторического исследования стал Екатеринбург — город, основанный и сформировавшийся полностью в имперское время, сочетавший идентичности продвинутого индустриального центра и архаичной периферии, региональной столичности и имперской провинции. Социальные элиты такого города априори обладали уникальными чертами, как генетическими, так и приобретенными. Источником для проведения историко-элитологического исследования были выбраны метрические книги православных приходов Екатеринбургa — массовые номинативные документы, содержащие исчерпывающую прямую информацию о демографическом движении конфессионального большинства Екатеринбургa и косвенную — о целом ряде социальных модернизационных процессов. Изучение исторического фона Екатеринбургa эпохи пореформенного расцвета дало основание полагать, что самый модернизированный из пяти городских приходов — Богоявленский, относящийся к кафедральному собору. В ходе анализа историко-демографической литературы и предварительного исследования одного из аспектов модернизации непосредственно на материалах метрических книг города конца XIX — начала XX в. это предположение подтвердилось: Богоявленский приход действительно обладал наиболее выраженными признаками демографической и социальной модерности по сравнению с остальными православными общинами города.

Dmitry S. Bakharev

Junior researcher, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: dmitry.bakharev@urfu.ru**Elena M. Glavatskaya**

Doctor of Historical Sciences, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: elena.glavatskaya@urfu.ru

**SOCIAL ELITES IN LATE IMPERIAL EKATERINBURG:
A PROGRAM FOR HISTORICAL AND DEMOGRAPHIC RESEARCH**

This article develops a theoretical basis for studying the socio-demographic evolution of elites in local/urban historical communities. The authors analyzed the methodological and terminological apparatus used in modern elite studies and formulated the concept of “social elite” based on synthesizing the civilizational aspects of elite theory and modernization theory. The social elite is understood as a minority that is a reference group for the rest of society in the sphere of socio-demographic practices. A fruitful study of such an object is realistic only by employing mass nominative sources that recorded demographic events in individual lives. The most important nominative source which contains demographic and, in addition, social information about the demographically representative communities of imperial Russia, are *metricheskie knigi* — parish vital events records. The potential of this type of source is most effectively realized by transcribing the information into databases for subsequent quantitative analysis. The research was carried out based on the URAPP — “Ural Population Project” — a comprehensive electronic resource containing information from the Orthodox parishes records in Ekaterinburg for 1880–1919, now extended to about 57 000 entries. The initial adaptation of the proposed model to the historical context of late imperial Ekaterinburg enabled us to identify a community of townspeople — the parish of the Orthodox Epiphany Cathedral — that was more modernized than the rest of the city. Concentrating the research focus on socio-demographic processes among the parishioners of this community at the individual level, will in the future make it possible to represent more fully the evolutionary mechanisms of the social elite in the late Imperial Russian city. The proposed scheme can be used to study the problems of Russian social history in the late 19th — early 20th centuries, primarily to identify the agents driving the socio-demographic modernization.

Keywords: *history of Russia, elitology, social elites, late imperial city, history of the Urals, socio-demographic modernization, Orthodox parish, parish vital events records, database*

REFERENCES

- Aktory rossiyskoy imperskoy modernizatsii (XVIII — nachalo XX v.): regional'noye izmereniye* [Actors of Russian imperial modernization (18th — early 20th century): regional dimension. Ekaterinburg: BKI Publ., 2016. (in Russ.).
- Apkarimova E. Yu., Golikova S. V., Minenko N. A., Poberezhnikov I. V. *Sel'skoye i gorodskoye samoupravleniye na Urale v XVIII — nachale XX veka* [Rural and urban self-government in the Urals in the 18th — early 20th century]. Moscow: Nauka Publ., 2003. (in Russ.).
- Ashin G. K. *Elitologiya: istoriya, teoriya, sovremennost'* [Elitology: history, theory, modernity]. Moscow: MGIMO-Universitet Publ., 2010. (in Russ.).
- Bobitskiy A. V. [Marriages of Ekaterinburg's Muslims in the early 20th century based on materials of parish registers]. *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost': Materialy VII Vseross. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uch.* [Document. Archive. History. Modernity: Materials of the 7th All-Russian sci.-pract. conf. with international participation]. Ekaterinburg: UrFU Publ., 2018, pp. 285–288. (in Russ.).
- Boyarskiy A. Ya. [Average age of the deceased]. *Demograficheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Demographic encyclopedic dictionary]. Moscow: Sov. encyclopedia Publ., 1985, pp. 439. (in Russ.).
- Bryukhanova E. A., Vladimirov V. N., Strekalova N. V. [Estate, occupation, social stratum: the problem of the provincial Russian cities' social structure study in the late 19th — early 20th centuries (a case study of Tambov and Tobolsk)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2016, no. 411, pp. 38–46. DOI: 10.17223/15617793/411/6 (in Russ.).

- Cheshkov M. A. [Pre-revolutionary Russia and the Soviet Union: analysis of continuity and break]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], 1997, no. 1, pp. 92–104. (in Russ.).
- Dashkevich L. A., Korsunova S. Ya. *Tekhnicheskaya intelligentsiya gornozavodskogo Urala. XIX vek* [Technical intelligentsia of the mining-and-plant Urals. 19th century]. Ekaterinburg: BKI Publ., 1997. (in Russ.).
- Ermakova O. V. [Western European specialists within the technical elite of Ural region: social and cultural adaptation (early 19th century)]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnyye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 2013, no. 3 (117), pp. 107–118. (in Russ.).
- Evdokimov A. V. [Historical elitology: problems of historiography and theory]. *Sotsial'no-gumanitarnoye poznaniye: metodologicheskiye i sodержatel'nyye paralleli* [Social and humanitarian knowledge: methodological and substantive parallels]. Moscow: Akvilon Publ., 2019, pp. 184–200. (in Russ.).
- Gaman-Golutvina O. V. *Politicheskiye elity Rossii: Vekhi istoricheskoy evolyutsii* [Russia's political elites: Milestones of historical evolution]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2006. (in Russ.).
- Glavatskaya E. M. [Birth, marriage and death in old Ekaterinburg]. *Aktual'nyye problemy otechestvennoy istorii, istochnikovedeniya i arkheografii: K 90-letiyu N. N. Pokrovskogo* [Actual problems of national history, source study and archeography: To the 90th anniversary of N. N. Pokrovsky]. Novosibirsk: Institut istorii SO RAN Publ., 2020, Archeography and Source Study of Siberia, iss. 39, pp. 395–404. (in Russ.).
- Glavatskaya E. M., Bakharev D. S., Bobitsky A. V. [Ethno-religious minorities in the late 19th century Yekaterinburg]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Istoriya* [Perm University Herald. History], 2019, iss. 2 (45), pp. 33–43. DOI: 10.17072/2219-3111-2019-2-33-43 (in Russ.).
- Glavatskaya E. M., Bobitsky A. V., Zabolotnykh E. A., Vishnevskaya A. V. [Nuptiality in early 20th century Yekaterinburg: quantitative analysis]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnyye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 2019, vol. 21, no. 3 (190), pp. 104–121. DOI: 10.15826/izv2.2019.21.3.050 (in Russ.).
- Glavatskaya E., Borovik Ju., Thorvaldsen G., Zabolotnykh E. Chapter 10. From War to Wedding: Marriage Strategies of WWI POWs in the Urals, Russia. *The Impact of World War I on Marriages, Divorces, and Gender Relations in Europe*. New York; London: Routledge, Taylor & Francis Group, 2019, pp. 252–277. (in English).
- Glavy gorodskogo samoupravleniya Ekaterinburga: *Istoricheskiye ocherki* [Heads of the city government of Ekaterinburg: Historical essays]. Ekaterinburg: U-Factoria Publ., 2003. (in Russ.).
- Glebova I. I. [The revolutions of 1917: images of the past and the break up of historical continuity]. *Rossiya i sovremennyy mir* [Russia and the contemporary world], 2008, no. 1 (58), pp. 97–115. (in Russ.).
- Gorchitskaya E. A. [The intellectual elite from the philosophy standpoint: structure and function]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Herald of Omsk University], 2011, no. 4 (62), pp. 207–210. (in Russ.).
- Granitsy i markery sotsial'noy stratifikatsii Rossii XVII–XX vv.: *vektory issledovaniya* [Borders and markers of social stratification of Russia in the 17th–20th centuries: research vectors]. Saint Petersburg: Aleteya Publ., 2018. (in Russ.).
- Karabuschenko P. L. [The introduction to history elitology]. *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Vestnik of Astrakhan State Technical University], 2006, no. 5 (34), pp. 34–44. (in Russ.).
- Krasnov Yu. V. *Politiko-administrativnaya elita v Rossii: algoritm vosпроизводства i rekrutirovaniya politicheskogo pravyashchego klassa v istoricheskoy retrospektive: kand. diss.* [Political and administrative elite in Russia: an algorithm for the reproduction and recruitment of the political ruling class in a historical retrospective: Diss. Cand.]. Volgograd, 2003. (in Russ.).
- Kryshtanovskaya O. V. *Anatomiya rossiyskoy elity* [Anatomy of the Russian elite]. Moscow: Zakharov Publ., 2005. (in Russ.).
- Kusova I. G. [Trade elite at the head of the city government: the mayors of Ryazan of the end of the 18th – early 20th century]. *Torgovlya, kupechestvo i tamozhennoye delo v Rossii XVI–XIX vv.: sb. materialov Chetvertoy mezhdunar. nauch. konf.* [Trade, merchants and customs in Russia in the 16th–19th centuries: collection of articles. materials of the Fourth International Sci. conf.]. Ryazan: IP Yakushov Yu. I. Publ., 2018, pp. 611–619. (in Russ.).
- Mankova I. L. [Epiphany Cathedral]. *Ekaterinburg. Entsiklopediya*. [Ekaterinburg. Encyclopedia]. Ekaterinburg: “Akademkniga” Publ., 2002, pp. 59–60. (in Russ.).

- Mikityuk V. P. [Ural entrepreneurs Zhiryakovs]. *Ural'skaya starina: literaturno-krayevedcheskiye zapiski* [Ural antiquity: literary and local history notes]. Ekaterinburg: Arhitekton Publ., 1996, iss. 2, pp. 116–130. (in Russ.).
- Mikityuk V. P. *Vinokury Permskoy gubernii: predprinimatel'stvo i obshchestvennaya deyatel'nost' (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.)* [Distillers of the Perm province: entrepreneurship and social activities (second half of the 19th — early 20th century)]. Ekaterinburg: BKI Publ., 2016. (in Russ.).
- Mironov B. N. [The Russian revolution of 1917 through the prism of demographic modernization]. *Demograficheskoye obozreniye* [Demographic Review], 2017, vol. 4, no. 3, pp. 6–58. DOI: 10.17323/demreview.v4i3.7316 (in Russ.).
- Neklyudov E. G. *Predprinimateli Urala XVII — nachala XX veka: spravochnik* [Entrepreneurs of the Urals of the 17th — early 20th century: a handbook]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 2013. (in Russ.).
- Palkin A. S., Borovik Yu. V. [Marriage Strategies of the Yekaterinburg Edinoverie Community in the Early 20th Century]. *Quaestio Rossica*, 2019, vol. 7, no. 4, pp. 1311–1323. DOI: 10.15826/qr.2019.4.440 (in Russ.).
- Pareto V. *Kompendium po obshchey sotsiologii* [Compendium of General Sociology]. Moscow: ID GU HShE Publ., 2008. (in Russ.).
- Podvoisky D. G. [Elite]. *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya. Elektronnyaya versiya* [Great Russian Encyclopedia. Electronic version]. Available at: <https://bigenc.ru/philosophy/text/4930813> (accessed: 27.08.2020). (in Russ.).
- Pokatov D. V. [The Russian Sociology of the Political Elite: Current Trends in Regional Development]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2020, no. 453, pp. 116–123. DOI: 10.17223/15617793/453/14 (in Russ.).
- Porshneva O. S., Kazakova-Apkarimova E. Yu. [The capital of the Urals: Yekaterinburg's administrative status and citizens' identity evolution between the 18th — early 20th century]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnyye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 2015, no. 2 (139), pp. 178–191. (in Russ.).
- Redin D. A. *Administrativnyye struktury i byurokратиya Urala v epokhu petrovskikh reform (zapadnyye uyezdy Sibirskoy gubernii v 1711–1727 gg.)* [Administrative structures and bureaucracy of the Urals in the era of Peter's reforms (western districts of the Siberian province in 1711–1727)]. Ekaterinburg: Volot Publ., 2007. (in Russ.).
- Rumyantseva N. M. [The business elite of the Samara province in the late 19th — early 20th centuries]. *Karel'skiy nauchnyy zhurnal* [Karelian Scientific Journal], 2016, vol. 5, no. 2 (15), pp. 88–92. (in Russ.).
- Samoilova E. N. *Politicheskaya elita Rossii XX veka: nekotoryye osobennosti formirovaniya i deyatel'nosti: kand. diss.* [Russia's political elite of the 20th century: some features of formation and activity: Diss. Cand.]. Moscow, 2004. (in Russ.).
- Sosnin D. P. [City Elites: Theoretical and Applied Concept Interpretations]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya* [Izvestia of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology], 2011, vol. 11, no. 1, pp. 105–108. (in Russ.).
- Toynbee A. J. *Postizheniye istorii* [A study of history]. Moscow: Ayris-press Publ., 2010. (in Russ.).
- Volkov S. V. *Elitnyye gruppy traditsionnykh obshchestv* [Elite groups of traditional societies]. Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke Publ., 2017. (in Russ.).
- Voroshilin S. I. *Khramy Ekaterinburga. K 110-letiyu Ekaterinburgskoy yeparkhii* [Temples of Ekaterinburg. To the 110th anniversary of the Ekaterinburg diocese]. Ekaterinburg: Uralmedizdat Publ., 1995. (in Russ.).
- Zabolotnykh E. A. [The adoption of Orthodoxy by the Jews in the early 20th century: microhistorical analysis (based on Ekaterinburg's parish registers)]. *Mnogomernost' obshchestva: chelovek v sotsial'nom vzaimodeystvii: 2-y molodezhnyy konvent: materialy mezhdunar. studencheskoy konf.* [Multidimensionality of society: people in social interaction: 2nd Youth convention: materials of the international student conference]. Ekaterinburg: UrFU Publ., 2018, pp. 102–104. (in Russ.).
- Zorina L. I. [Russkikh Nikolai Alexandrovich]. *Ekaterinburg. Entsiklopediya*. [Ekaterinburg. Encyclopedia]. Ekaterinburg: "Akademkniga" Publ., 2002, pp. 483. (in Russ.).